

В Булонском лесу одна нищая, убогая старуха доставила ему прекрасный для описания случай, и за дешевую весьма цену: ибо, заставя ее рассказать всю длинную о несчастиях ее повесть и сделав несколько душеумилятельных восклицаний, он пожал только у нее руку и ушел от ней (том III, стр. 31, 32 и 33). Следующее место содержит любопытное описание, естли только можно на повествование господина Карамзина полагаться.

«Здесь-то бедность, недостаток в средствах к пропитанию, доводит человека до удивительных хитростей, истощает²³ разум и воображение! Здесь многие люди, которые всякий день являются на гульбищах, в Пале-Ройяль, даже в спектаклях, причесанные волос к волосу, распудренные, с большим кошельком на спине, с длиною шпагою на бедре, в черном кафтане, не имеют копейки верного дохода; а живут, веселятся и, судя по наружному виду, беспечны, как птицы небесные. Средства? Они разнообразны, бесчисленны и нигде, кроме Парижа, неизвестны. Например, человек, изрядно одетый, который сидит в *Caffé de chartres* за чашкою баваруаза, говорит не умолкая, с видом благородным, приятным шутит, рассказывает забавные анекдоты, — знаете ли чем живет? Продажею афиш или всякого рода печатных объявлений, которыми здесь бывают облеплены стены. Ночью, когда город успокоится и люди по домам разберутся, он ходит собирать свой корм, из улицы в улицу сдирает со стен печатные листы, относит их к пирожникам, имеющим нужду в бумаге, получает за то несколько копеек, ливра два или целой эюю, ложится на соломенной тюфяк в каком-нибудь гренье (т. е. чердаке) и засыпает покойнее многих крезов. Другой человек, который также всякий день бывает в публике, то есть в Тюльери, Пале-Ройяль, и которого вы сочтете писарем, есть.. откупщик; но прошу отгадать, какой? у него на откупе — все булавки, теряемые дамами в итальянском спектакле. Когда занавес опускается и все зрители выходят из залы, он только что является в театр и, с дозволения директорского, между тем как гасят свечи, ходит из ложи в ложу подбирать булавки; ни одна не укроется от его мышьих глаз, где бы она ни лежала. В то же время как слуга хочет гасить последнюю свечу, наш откупщик хватает последнюю булавку; говорит: „Слава богу! Завтра я не умру с голоду!“ — и бежит со своим пакетом к лавошнику».

Нехудо, однако ж, читателей наших предостеречь, чтоб они не во всем верили сему путешественнику; по невежеству и воображению своему он беспрестанно ошибается. Лавуазьер, говорит он, многих здешних женщин так пристрастил к химии, что они чувствительность сердца химическими изъясняют правилами (том III, стр. 69). В Лондонском королевском обществе он видел то, что другие, думаем, редко замечали: «президент сказывал мнение свое о разных книгах, но с великою умеренностью и скромностию» (том III, стр. 243).

В Невгате он узнал, что колодники, осужденные на смерть, хотя лучше в своей земле быть повешены, нежели ехать с бесчестными людьми в ссылку (том III, стр. 232).

А на одном купецком судне он слышал, как пьяный штурман просил капитана, чтоб он велел его бросить в море, но не бил, потому что англичанину смерть легче побой (том III, стр. 322).

Господин Карамзин столько вкисил отрад и удовольствий, что по приезде своем в Англию, последнюю страну его путешествия, казалось бы, уже нечем более ему восхищаться; однако ж: «Англичане вообще не охот-

²³ Здесь истощает не есть прямое слово; оно поставлено вместо *изощряет*: но значит совсем противное.